

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2024 – 2025 учебный год
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТАП

БЛАНК ЗАДАНИЙ
ДЛЯ 11 КЛАССА

Общее время выполнения заданий – 300 минут

Ответы к заданиям 1, 2, 3 вписываются в специальные таблицы на Листах ответов, которые вы получаете вместе с заданиями.

Если при выполнении задания вы допустили ошибку, зачеркните неверный вариант и впишите верный так, чтобы он ясно читался.

Графа «Баллы» заполняется проверяющими, в неё вписывать ничего не нужно.

Подписывать Лист ответов не нужно, он сдаётся вместе с остальными заданиями.

Задания 4 и 5 выполняются на чистых бланках ответов, которые выдаются организаторами.

Задание №1

Внимательно прочитайте каждое приведённое суждение. В Листе ответов рядом с номерами верных формулировок впишите «да». Если в формулировке содержится неверная информация, допущена ошибка, впишите рядом «нет».

1. Когда А.С. Грибоедов в Михайловском прочитал А.С. Пушкину «Горе от ума», тот сказал драматургу: «Чацкий совсем не умный человек... Первый признак умного человека – с первого взгляда знать, с кем имеешь дело, и не метать бисер перед Репетиловым и т.п.»
2. Кулигин, герой «Грозы» А.Н. Островского, не раз цитирует стихи Ломоносова, Державина и Пушкина.
3. Героини «Вишнёвого сада» А.П. Чехова склонны к нетривиальным занятиям: Аня летала на воздушном шаре, а Дашенька, дочь Симеонова-Пищика, на досуге читает Ницше.
4. Во время Первой мировой войны Александр Блок был призван в инженерно-строительные войска. Автор «Стихов о Прекрасной Даме» служил табельщиком и занимался написанием отчётов о строительстве оборонительных позиций.
5. Еще находясь в России, в начале 1918 года, Марина Цветаева посвятила свою книгу стихов «Белая стая» зарождавшемуся белому движению. Книга так и не была опубликована при жизни автора.
6. Борис Пастернак в юности увлекался музыкой и планировал стать композитором, а впоследствии даже сочинил музыку к нескольким своим стихотворениям.

Задание №2

Шахматная партия – нечастая, но иногда всё-таки встречающаяся сюжетная ситуация в литературных произведениях. Определите, в каком произведении герои ведут игру, если о шахматной партии известно следующее:

1. Шахматная партия ведётся живыми фигурами;
2. По ходу игры белый слон («офицер») преобразуется в того, кем не может быть;
3. Игра завершается из-за отказа одного из шахматистов продолжать партию в атмосфере травли со стороны завистников;
4. По окончании игры фигуры самостоятельно покидают шахматную доску и слезают в ящик.

В Листе ответов укажите имена героев, название произведения, его автора, дайте короткий комментарий, объясняющий, при каких обстоятельствах появляется эпизод с игрой в шахматы.

Задание №3

В книге «Пётр Наумович Фоменко. Режиссёрская тетрадь» собраны расшифровки репетиций спектаклей, комментарии режиссёра к отдельным сценам, рекомендации актёрам, диалоги с ними во время подготовки спектакля.

Ниже приведены названия некоторых сцен одного из спектаклей П. Фоменко.

- «Перед картой Европы»
- «Эта жизнь – не по мне»
- «Кукла»
- «Мозаиковый портфель»
- «Отец и сын»
- «Урок геометрии»
- «Образок»

Какое произведение легло в основу спектакля, включающего эти сцены? Впишите в Лист ответов название и автора, в поле для комментария дайте краткое объяснение вашего решения.

Задание №4.

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Василий Андреев

(1889–1942)

Пальто

С Калязина, Адриана Петровича, грабители пальто сняли. Вечером, на улице. Пригрозили револьверами.

Заявил в милицию. Время шло, а злодеи не обнаруживались.

Да и как найти? Руки-ноги не оставили. Найди попробуй. Петербург не деревня.

Сначала случай этот Калязина ошеломил, но спустя день-два, когда горячка прошла, новое чувство им овладело: сознание невозможности положения.

Нельзя так!

Невозможно без пальто.

Осень, холода на носу, а тут — в рубахе.

Да и неловко, неприлично: дождь, ноябрь, у людей воротники подняты, а он — в рубахе, в светлой, в кремовой. «Майский барин» — так сказал про него мальчишка-папиросник на Невском.

Не сказал даже, а бесцеремонно вслед крикнул.

«Майский барин» — гвоздём в голове, сколько дней.

Положение безвыходное. Как достать пальто — не придумаешь. Денег не было. И ничего такого, чтобы на деньги перевести, тоже.

И без работы. Жил так, кое-чем, случайным заработком, перепискою.

Но на этот скудный и редкий заработок не только из одежды что купить, а питаться и то впроголодь. А подмоги — неоткуда. Родных или знакомых таких, чтобы выручили, — никого.

Время же осеннее, скоро и белые мухи. А затем и морозы.

Но не только холод пугал.

К нему, к морозу-то, может быть, можно и привыкнуть. Ведь ходили же юродивые, блаженные, круглый год босиком. Хотя, говорят, с обманом они: салом ноги смазывали, спиртом.

Но всё-таки привыкнуть, может быть, и можно.

Главное же: один в целом городе, в столице северной (именно северной), — один, в рубашке одной!

Центр внимания! Все смотрят.

Невозможно!

Лучше голому. Голый так уж голый и есть — что с него возьмёшь?

Спортсмен или проповедник культуры тела — бывают такие оригиналы, маньяки разные!

В прошлом году мальчишка один, юноша, часто Калязину на улицах попадался. В трусиках одних. Мальчишка, двадцати нет, а здоровый, мускулистый, бронзовый, что африканец какой, индеец.

Такого даже приятно видеть. Герой, природу побеждает, с холодом борется, с непогодой. Глядя на него, завидно даже.

А вот в рубашке если, дрожит если, семенит, а коленки этак подогнулись от холода, нос синий, а рубаха прилипла к спине, примёрзла, — это уж другое.

Это всем — бельмо.

И недоверчивые, нехорошие при виде такого «франта» у людей возникают мысли: «Пьяница, жулик. Такой ограбит за милую душу, убьёт. Встреться-ка с ним глаз на глаз в переулке глухом — что липку обдерёт. Что ему, отпетому такому, бродяге-оборванцу, забубённой головушке, что ему? Ограбить, обобрать — профессия его, поди. Промышляет этим...»

Казалось, так думали эти, встречные, вслед недружелюбно, с опаскою поглядывающие...

Сначала чувства отчаяния, угнетения, потом — недовольство, злоба против людей.

Против всех, что на улицах в тёплой, в настоящей по сезону одежде.

Злоба на бесчувственность людскую, на то, что человек человеку (как у писателя одного сказано) — бревно.

Да как и не быть злобе?

Разве можно, чтобы в республике свободной, в братской, так сказать, стране, где все за одного и один за всех, коллектив где, — чтобы в столице, в городе первом первой по свободе страны, не в угле каком медвежьем, где люди с волками глаз на глаз, а в самом Петербурге, и вдруг — на-те! — человек без одежды — рубаха какая же одежда? — человек в рубахе, поздней осенью и не по своей вине, а ограбленный, раздетый бесчеловечно. И рубаха-то пускай бы чёрная, с воротом глухим, а то с шеей открытой, кремовая, в брюки забранная, с галстучком пёстреньким, и пояс резиновый с кармашком для часов.

Ведь так на даче только гуляют, купаться так ходят, а не в городе, когда снег того и гляди...

Так думал Калязин, по улицам в поисках заработка бегая, под взорами встречных, недоверчивыми и нехорошими, пробегая, злобно кляня бесчувственность, деревянность бревенчатую людскую, и часто становилось невыносимо, казалось, миг ещё, и не совладает со злобою — кинется на первого встречного, за пальто уцепится, за воротник; как кладь какую из мешка, человека из пальто вытряхнет, как его тогда грабители грубо раздевали, вытряхивали из новенького демисезонного его пальто...

Свежее, пасмурнее становились дни. По утрам в комнате Калязина, если дохнуть, — парок изо рта.

Скоро утренники, а потом и снежок первый, и морозец первый. Быстро в Питере наступает зима.

Сжимается сердце калязинское от отчаяния — хоть в петлю.

Утром одним Софья Семёновна, квартирная хозяйка, вдова, спекулянтша, спросила:

— Что ж вы в рубашке так и ходите?

В жар бросило от слов этих и ответить что — не знал.

Унылое что-то, нескладное, вроде:

— Уж и не знаю, как и быть, вообще...

А хозяйка — наставительно так и строго:

— Работы ищите. Мужчина, а работы не можете найти. Без работы не оденетесь.

А сама в глаза прямо смотрит. Сверху. Высоченная. Калязин ей ниже плеча, толстая бабища, спекулянтша Софья Семёновна!

И в десятый раз бесцеремонно начинает расспрашивать, как раздели, ограбили.

И почему-то смущаясь, путаясь, рассказывает Калязин, и рассказ получается неискренний — не верит ему Софья Семёновна. И странно, он тоже не верит — по рассказу путаному, робкому самому даже поверить нельзя.

После, один, лежит на узкой своей кровати, вспоминает недавний разговор с хозяйкою и злится тяжело и затаённо.

Стыдно, досадно, что не мог рассказать так, чтобы Софья Семёновна, бревно это толстое, поверила. Представляет, как стоял перед нею, растерявшийся, как школьник, глаза опустив, и пуговку рубахи зачем-то теребил. Чего смущался, стыдился? Будто не о том рассказывал, как его ограбили, а наоборот — он ограбил кого-то, раздел.

«Дрянь, паршивец: человек тоже! — мысленно ругает себя Калязин. — Щенок, которого каждый, кому не лень, ударит, ногой пнёт...»

И ограбили потому, что такой уж подходящий человек. Беззащитный, что пёс, щенок. Наверное, так. Ведь грабители не первого встречного грабят, а выбирают, кого полегче.

Вспоминается, как тогда, ограбленный, не бежал, не кричал — стыдно было в рубашке ночью по улице бежать и кричать, — только шаг ускорил, постового милиционера ища, а найдя, подошёл не сразу, прошёлся мимо раза два и заявлял-то словно между прочим, с извинениями:

— Извиняюсь, товарищ... Сейчас, это... пальто с меня...

Путался, сбивался и тихо так говорил, точно не о грабеже, налёте вооружённом, а о самой обыденной случайности и даже просто будто улицу спросить к милиционеру подошёл.

Милиционер переспрашивал часто и косился всё.

«Тьфу!» — плюёт Калязин и гонит неприятные воспоминания, в подушку утыкается, глаза жмурит...

Туго заработки случайные отыскивались.

Или это отказывать стали в работе «такому», в рубашке, но так как и такому, а неловко же напрямик: «Ничего тебе не будет!» — вот и говорили, что срочной, необходимой переписки пока не предвидится.

Без дела же сидеть нельзя. Нанялся как-то на подённую, мост перемасивать, доски перестилать.

Работать было тяжело, не привык к такой работе — раньше ничего тяжелее карандаша в руках не бывало.

Работать пришлось с мальчишкою деревенским, из беженцев, с голодающих, наверное, мест.

Мальчишка к работе привычный, здоровый, ломил, как медвежонок. Загнал Калязина в короткий срок. В ушах звенело, ноги дрожали, подкашивались, боялся, что разорвётся сердце, — плыли круги в глазах.

А мальчишка подгонял, грубо покрикивал. И ворочал без устали. Только лицо загорелое, блином — точно маслом покрывалось, и грудь рубаху топорщила.

Делалось тяжело — безысходно.

Сердце жгло. Мутило всего.

День холодный.

Первый был утренник.

На лужах тонким стёклышком ледяная корочка.

Розовые, бодрые люди попадались навстречу Калязину. Шёл вдоль стен. Привык стенкою пробираться, как животное бездомное, пёс. Не так заметно, не всем — на глаза.

Холодно ушам, кончикам пальцев. И спине.

Железом притиснулся холод между лопаток.

Последний день сегодня ходит — так решил. Последний день без пальто.

Украдёт, ограбит, как его ограбили, а достанет.

Чего в самом деле? Если люди — не люди, то и церемониться нечего. Снимай пальто, и баста!

Разве люди это? О чём они думают, к чему стремятся?

Вот на углах червонцами, валютой торгуют.

Или щенков чуть не лизут, сеттеров каких-то чистокровных покупают — миллиарды за щенков сопливых.

Они и собак держат при себе и кошек не потому, что любят животных, а для того, чтобы существо подвластное иметь, командовать. Чтобы пресмыкалось перед ними оно.

Потому после революции, как власть от них отняли, особенное стремление они к животным чувствуют. И торговцы, собачники потому на каждом углу. Учли психологию, шельмы-собачники! Люди!

Злоба кипит в сердце Калязина. Жарко даже. В рубахе — жарко. Быстро, рысью вдоль стен. Как в котле паровоза в теле, в сердце, в жилах кипятком кипит кровь — оттого холод не чувствуется, и бежит оттого, стремительности своей не замечая.

Не чувствовал усталости, мыслей не было никаких, только сознание: вечером, лишь стемнеет, в переулке, уже облюбованном, ждать будет жертвы.

Без выбора. Первого. В пальто который.

Временами нащупывал в кармане складник. Целый вечер на бруске точил. Софья Семёновна в кино уходила, а он целый вечер — на бруске, на свободе один весь вечер.

Улицу за улицей обходит, колесит, то расширяя, то суживая роковые круги-обходы; кружит, колесит всё в районе одном, в том, где переулок облюбованный, место расплаты идола-человека.

Серые, быстро надвигаются ноябрьские сумерки, роют в углах ямы-темноту, блёкнут человеческие лица, не видно пытливых, знакомых Калязину людских глаз.

Замедляет шаг быстрый, не раскидывает обход свой, а уже и уже смыкает круг, ближе, всё ближе к переулку облюбованному, к месту примеченному, месту расплаты за бесчувственность идола-человека.

Долго стоит в переулке, у забора, нож уж за пояс заткнув, зорко вглядываясь в узкий, вечерне потемневший переулок.

Вздрагнул.

Вдалеке, среди мостовой, на отсветах окон — человеческая фигура.

«Сюда идёт!» — соображает Калязин.

И ждёт. Но не деятельно, не так, как готовящийся к чему-то жуткому, необычайному, не как разбойник жертвы в ночном лесу ожидает, зверино к нападению готовый, хищный наскок в неподвижности каменной ярче, чем в самом прыжке, вылив, в неподвижности, что сама уже — дело, акт почти завершённый, не так ждал Калязин, а просто чересчур, как бы улицу нужную спросить у прохожего или спичку, огня для папироски.

«Э, чёрт! — с досадою ругается про себя. — Как тогда милиционеру заявить стеснялся... Тьфу!..»

Близко уже чёрная высокая фигура. Мерно, гулко на подмёрзшей дороге звучат шаги. Вот сейчас подойдёт.

Делает шаг вперед Калязин, крепко рукоять ножа сжав. Ещё шаг.

«Стой!» — хочет крикнуть этому чёрному, бесстрашно идущему навстречу, но почти столкнувшись, различив белеющее пятно лица, отступил почему-то вбок, неловко, в лужу подмёрзшую льдом, затрещавшую, ступив, пробормотал:

— Извиняюсь.

И, обойдя чёрную длиннополую фигуру, остановившуюся нерешительно и опасливо, торопливо зашагал.

А в ушах нестерпимо звучали, с каждым мигом затихая, шаги прошедшего мимо, того, в пальто который...

1924

Олег Чухонцев

(род. в 1938 г.)

Баллада о реставраторе

Н. Воробьёву

Опять качаются над рёбрами дворов
на белых ветках стаи чёрных воробьёв.

Как скоморохи у боярского крыльца,
они качаются, покачиваются.

И – гайда! гайда! – с метой пёсьей головы
метёт метелица по улицам Москвы.

И снег опричный замедляет с головой
тупик кирпичный, переулок Угловой.

А наверху – под самой крышей – в мастерской
затворник дошный горбит спину день-деньской.

Он в три погибели согнулся над доской
с улыбкой ангельской, с ухваткой воровской.

Он одержим сегодня зудом ремесла,
разводом линий, оперением крыла.

Среди летящих и парящих – хоть убей! —
он самый стреляный и чёрный воробей.

Пусть образ вечности олифою покрыт,
а он, прищурившись, на время поглядит.

Компресс наложит и, задумавшись, замрёт
и три столетья вместе с марлей отвернёт.

И только вздрогнет, как откроется впервой
печальный облик за печатью снеговой.

И только ахнет, как по замыслу Творца
лик сострадания проступит из лица.

Вот, друг мой, истина! Не тот сегодня век,
не та метелица, и улица, и снег.

Но, понимаешь ли, хотя и век не тот,
а не поймёшь, в какую сторону метёт.

К чему ж качаются над рёбрами дворов
на белых ветках стаи чёрных воробьёв?

Зачем, как сирины под дробью ледяной,
зрачки мазуриков шныряют за спиной?

Зло крыто охрою. История в крови.
Но ангел падший домогается любви.

И снег всё пристальней, но как бы ни мело,
утишим зло – у нас такое ремесло.

Проверим заново – ты кисть, а я перо.
Что нам в укор? Добро не может быть старо.

И кто-то в будущем таким же декабрём,
быть может, вспомнит нас – с печалью и добром.

1967

Примечания:

Н. Воробьёв (1922 – 1987) – советский художник, реставратор, коллекционер.

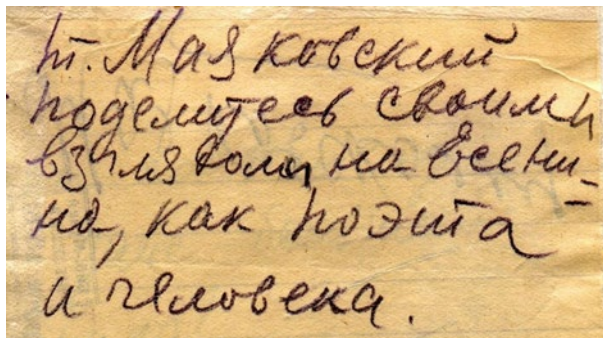
Задание №5

Рассмотрите фотографии экспонатов из Государственного музея В.В. Маяковского (Москва), отобранных для мини-выставки, посвящённой лирическим произведениям поэта. Каждый предмет может быть соотнесён с тем или иным стихотворением и увиден как предметная деталь или указание на значимую для автора тему / мотив.

Выберите 4 экспоната и 2–3 стихотворения В.В. Маяковского, с которыми они могут быть связаны. Напишите текст экскурсии по мини-выставке, показав связи предметов со стихотворениями; обратите внимание на то, какое значение каждый предмет получает в конкретных поэтических контекстах. Продумайте композицию рассказа экскурсовода, переходы от одного экспоната / стихотворения к другому, начало и концовку. Постарайтесь сделать текст по возможности не только информативным, но и увлекательным. Дайте название мини-выставке, которое будет отражать её концепцию.

Примерный объём — 200–220 слов.

Рис. 1. Записка, поданная В.В. Маяковскому во время выступления в Казани, в Университете. «г. Маяковский. Поделитесь своими взглядами на Есенина, как поэта и человека»
21 января 1927 г.

г. Маяковский
поделитесь своими
взглядами на Есени-
на, как поэта
и человека.

Рис. 2. René Gilberh
Фото. Яковлева Татьяна (Париж, 1927)

Рис. 3. В. Роскин Бруклинский мост. Иллюстрация к стихам Маяковского В.В. об Америке (1941)

Рис. 4. Шкатулка резная с изображением козлика

Рис.5. Заявление в Московский финансовый отдел фининспектору 17-го участка: «Прошу снизить мне размер подоходного налога до суммы уплаченной в прошлом году т.к. при обложении не были приняты во внимание мои производственные расходы». 30.06.1929 г.

Рис. 6. Серия из 10 плакатов на стихи В.В. Маяковского. Лист 2. Художники Б. Котов, В. Першков «На книги одни ученья не тратьте-ка. Объединись, теория с практикой!» (1929)

Рис. 7. Галстук-бабочка (Париж, 1920-е гг.)

Рис. 8. Е. Ланг «Натюрморт с разрезанным ананасом» (не позднее 1975 г.)

